

— сторожно, здесь ступеньки! — предупредил меня провожатый. И, несмотря на это, я все же споткнулась и чудом не свалилась в лестничный пролет. Хорошо, что в последний момент меня поддержал заботливый Порфирич.

Ну да, лишний раз убеждаюсь, что мама права, до чего же я неловкая, несуразная, не приспособленная к жизни...

— Император очень любил всевозможные потайные ходы, секретные комнаты, скрытые двери... — вещал тем временем мой спутник, спускаясь по лестнице. — Прежнее руководство музея не открывало эту сторону замка для посетителей, а мы решили, что это многим будет интересно, это привлечет широкую публику... Наглядность, так сказать... — Он негромко хмыкнул.

Замыкавшая шествие пожилая хранительница что-то недовольно проворчала — видимо, у нее на этот счет было особое мнение. Замдиректора музея бросил на нее взгляд через плечо и тут же отвернулся. Старушка ничего не заметила, но я-то была рядом и увидела, как в его взгляде промелькнуло недовольство и даже презрение — мол, молчала бы, кошелка

старая, тебя тут терпят из милости, а ты еще выступаешь...

Этот тип сразу мне разонравился. Не могу сказать, что этот Иван Антонович понравился мне при встрече, мне вообще мало кто из людей нравится с первого взгляда. Я — робкая, некоммуникабельная, плохо схожусь с людьми, у меня нет близких друзей, и даже просто приятелей нету. Это мама так считает, и она абсолютно права.

Так вот, сколько таких взглядов я ловила на себе с некоторых пор, лет с двенадцати. Такое легкое презрение — мол, что с тебя взять, никому ты не пожалуешься, да кто тебя слушать станет...

Стоп! Не давать ходу воспоминаниям, не допустить паники. А то можно на глазах у всех и с лестницы навернуться.

Винтовая лестница сделала несколько оборотов и уткнулась в неприметную дверцу. Провожатый — теперь не хотелось называть его по имени-отчеству, и вообще не хотелось с ним общаться — остановился и окликнул хранительницу:

— Леокадия Львовна, откройте нам!

Хранительница что-то проворчала, достала ключи, открыла дверцу и отступила в сторону:

— Заходите...

И снова музейный начальник заговорил своим хорошо поставленным голосом:

— Мы с вами пришли в ту самую спальню, где был убит несчастный император...

Комната была большая, темноватая. Мебели для такой комнаты было маловато — как видно, та, что была во время убийства Павла Первого, не сохранилась. Был там письменный стол красного дере-

ва, кресло, какие-то шкафчики по углам, справа — большой камин, отделанный итальянским мрамором.

Ах да, читала же я, что Павел так хотел переехать в свой новый дворец, что не стал ждать, когда стены просохнут. Дело было зимой, в помещениях стояла ужасная сырость, так что камин топили постоянно. Сейчас, разумеется, камин не горел.

Я привычно прислушалась к себе. Все вроде бы в норме: комната достаточно просторная, потолок высокий, дверь широкая, двустворчатая... А я что думала: что император всея Руси в кладовочке какой-нибудь будет спать на раскладушке? Да, хорошо жили цари...

Тут я вспомнила, чем все закончилось для Павла Первого, и устыдилась.

Итак, есть надежда, что со мной сегодня все будет в порядке, я сделаю этот репортаж, то есть напишу несколько строк, которые будут удачным дополнением к фотографиям, которые уж точно будут хорошими, раз со мной такой профессионал.

Первым в комнату вошел Порфирий со своим оборудованием. Он огляделся по сторонам и озабоченно проговорил:

— Темно здесь... фотографии не получатся...

— А мы сейчас свет организуем... — Провожатый снова повернулся к пожилой хранительнице: — Леокадия Львовна, сделайте нам свет!

Старушка пошарила рукой по стене, щелкнула выключателем, и спальня Павла Первого осветилась тусклым, зловещим светом от спрятанных за порттьерами ламп.

— Вот здесь в ту роковую мартовскую ночь...

Я вошла в комнату и увидела страшную, впечатляющую картину — несколько рослых, представительных мужчин в расшитых золотом камзолах и мундирах восемнадцатого века сгрудились вокруг одного, лежащего на полу — маленького, жалкого, несчастного, бесконечно одинокого, в забрызганном кровью полотняном камзоле и ночном колпаке...

Один из заговорщиков держал в руке окровавленную табакерку, другой занес ногу в щегольском сапоге, чтобы пнуть уже мертвого императора еще раз...

Надо же, восковые фигуры, а как живые! И на лицах — ненависть, злоба, у одного — страх...

Я шагнула ближе, пригляделась к жертве заговора.

Лицо его было разбито, кровь — на колпаке, на воротнике камзола, на полу... но как реально он выглядит!

— Господи, до чего же натурально! — пискнула хранительница, выглядывая из-за моего плеча и словно подслушав мои мысли. — Даже страшно... а Павел... император... как он на нашего Верещагина похож! Как похож!

— Не говорите глупостей! — привычно осадил ее заместитель директора. — Авторы композиции добились портретного сходства с императором, а ваш Верещагин ни при чем...

— А кровь-то настоящая! — проговорил вдруг Порфирьич.

Он наклонился над неподвижным телом, осторожно дотронулся пальцами до окровавленного воротника, посмотрел на них, даже понюхал, и продолжил:

— Точно, настоящая! И еще не высохла... Я третьего дня работал на ДТП со смертельным исходом, на Мурманском шоссе, там тоже крови было — ужас... и запах точно такой же!

— Что вы такое говорите... — привычно возразил заместитель директора и тоже склонился над лежащим.

Лицо его странно переменялось, он побледнел и пролепетал неуверенно:

— Что же это...

А пожилая хранительница опустилась на колени, схватила окровавленную руку императора... или вовсе не императора, воскликнула ненатуральным высоким голосом:

— Александр Павлович! — И тут же завалилась на бок и потеряла сознание.

— Вот этого не надо! — вскрикнул заместитель директора. — Только этого нам не хватало, обмороков всяких!

Я почувствовала, что мне тоже хочется упасть в обморок — лежишь себе спокойно, ни о чем не думаешь... не думаешь о том, что наверняка провалишь редакционное задание...

Но тут боковым зрением я заметила, что Порфирич деловито фотографирует все — и полутемную спальню, и толпу восковых заговорщиков, и труп на полу...

Потому что на полу действительно лежал труп.

Никакая не восковая фигура несчастного невинно убиенного императора Павла Первого, а труп, если можно так выразиться, живого человека.

Когда очевидность этого факта дошла до меня, я в ужасе метнулась прочь от окровавленного трупа, на-

летела на столбик, поддерживающий балдахин императорской кровати.

Забыла сказать, в противоположном от камина углу находилась кровать — огромное, внушительное сооружение с высокими спинками и балдахином. И сама кровать высоченная, так что низенькому императору, небось, приходилось скамеечку подставлять, чтобы на нее залезть. Впрочем, он спал на ней недолго...

И вот, когда я налетела на кровать, столбик сломился, балдахин упал на меня, и на какое-то время я оказалась в пыльной душной темноте, от этого еще больше перепугалась, закричала и замахала руками...

Ко мне словно вернулся тот день в далеком детстве, тот день, когда мне... когда мне пришлось... да нет, даже сейчас, через столько лет мне не хотелось это вспоминать. Но мое несчастное запуганное сознание сделало это за меня.

Сердце забилося в каком-то неровном, невыносимом ритме, дыхание перехватило. Я закусила губу, чтобы справиться с паникой, попыталась сбросить пыльную тяжесть балдахина, но только еще больше запуталась в нем, рванулась вперед и вверх, и тут на меня еще что-то упало, и по голове, по волосам, по лицу потекло что-то отвратительно липкое...

Господи, за что мне это! Что я всем вам сделала!..

Я хотела закричать, но, как тогда, много лет назад, горло перехватило мучительным спазмом, и не то что кричать — я не могла толком даже вздохнуть. И тут накатил жуткий страх, что сейчас я просто перестану дышать — и умру.

Тут где-то рядом раздался добрый ворчливый голос Порфирыча:

— Подожди, Верунчик, не трепыхайся, сейчас я тебя оттуда высвобожу... да не дергайся ты, ты мне так только мешаешь!

Легко сказать — не трепыхайся!

Я чувствовала себя как рыба, выброшенная на берег. Вот сейчас, сейчас... я просто не смогу больше сделать ни одного вдоха и тогда... тогда все кончится...

Но тут в темном коконе образовался просвет, я смогла наконец вдохнуть и увидела славное круглое лицо Порфирьича. Сердце потихоньку успокаивалось, воздух в этой темной комнате показался мне таким свежим, как будто я сижу с чашкой кофе под полосатым тентом и смотрю на утреннее море.

Я готова была расцеловать старого фотографа.

— Порфирьич, миленький, спасибо...

— Да что ты, что ты! — Он осторожно высвободил меня из пыльного кокона балдахина и вдруг удивленно отстранился — Ох ты, что это у тебя с головой?

— А что такое?

Вместо ответа он протянул мне маленькое зеркальце (у Порфирьича всегда под рукой находится все, что нужно).

Я взглянула в зеркальце...

Собственное отражение меня никогда особенно не радовало — бледное лицо, вечно испуганные глаза, редкие, словно выгоревшие брови. Как говорит мама — бледная немочь, зеленое привидение. Но сейчас я превзошла саму себя.

Мои волосы были покрыты какой-то осклизлой зеленоватой субстанцией, они слиплись и превратились в противные зеленые сосульки, свисающие по сторонам лица.

Волосы у меня средней длины, потому что мама говорит, что такое безобразие нужно скрывать, то есть убирать в хвост, а лучше — в узел. Вот я и убираю их в кичку, чтобы не мешали и не лезли в глаза.

Теперь же от возни под балдахином резинки свалились, и на голове моей четко просматривалось самое настоящее воронье гнездо. Причем не весной, а в конце лета, когда птенцы уже вылетели из гнезда, и оно брошено и не прибрано.

— Господи, что это? — выдохнула я в ужасе.

— Это, видимо, рабочие клей оставили, — деловито сообщил заместитель директора. — Торопились закончить инсталляцию и не убрали за собой... я им поставлю на вид...

Я почувствовала, что последние силы оставляют меня, и опустилась прямо на пол.

Ну за что, за что мне это?

А ведь начинался этот день не так уж плохо, не хуже, чем любой другой. А может, и лучше.

Я пришла на работу, как всегда, одной из первых, забилась в свой уголок и тихонько принялась редактировать очередную статью.

Работаю я в маленькой, мало кому известной еженедельной городской газете, которая называется по имени одной из главных рек нашего города — «Мойка».

Не знаю, кто придумал это название, — наверное, тот небожитель, который платит нам зарплату и при имени которого главный редактор Бурнус в религиозном экстазе поднимает глаза к потолку. Но только где ни назовешь место своей работы — непременно тут же найдется записной остряк, который пере-

спросит: «Как, вы сказали, называется ваша газета? Помойка?»

Дошло уже до того, что и сами сотрудники газеты стали так ее называть. Где ты работаешь? В «Помойке»!

Меня, честно говоря, эта работа устраивала. До нее я попробовала работать в школе и выдержала только два дня. Входить в класс, полный отъявленных тринадцатилетних разбойников, оказалось страшнее, чем в клетку с хищниками.

После школы я устроилась в районную библиотеку, там в читальном зале хотя бы тихо, но была, к сожалению, очень активная заведующая, которая устраивала какие-то литературные вечера, коллективные чтения и обсуждения книг, потом организовала книжный клуб, и в библиотеку зачастили какие-то сомнительного вида небритые и нестриженные писатели...

Собирались они по вечерам, тогда для обычных читателей библиотека была закрыта, но ведь кто-то же должен был их стеречь, а потом закрывать помещение. И для этого заведующая выбрала, конечно, меня, потому что самой сидеть допоздна было неохота, а остальные сотрудники сумели вовремя отговориться, кто — вечерними курсами, кто — маленькими детьми или еще чем-нибудь.

Писатели шумели, бесконечно выбегали курить на улицу, хлопали дверьми, ссорились по литературным вопросам, потом просто ссорились, потом выпивали мировую, после чего начиналась у них самая обычная пьянка.

Выгнать их удавалось только поздним вечером, когда заканчивалось спиртное. Да еще оставляли они

после себя форменный свиарник — это в библиотеке-то. Увидев среди членов клуба пару-тройку женщин, я решила, что они хоть за порядком проследят. Да куда там! Тетки оказались еще круче мужиков в смысле выпивки.

В общем, мне же еще приходилось разгребать после них, а утром заведующая ставила на вид, заметив пустые бутылки, спрятанные в угол. В общем, после третьего раза я не выдержала, а поскольку писательский клуб собирался раз в неделю, то получается, что я и месяца в библиотеке не отработала.

После библиотеки я попыталась устроиться администратором в зубную клинику, но туда брали только девушек с прекрасными зубами, которые могли служить живой рекламой. У меня вроде тоже не клыки и не вставная челюсть, но менеджеру клиники отчего-то зубы мои не понравились.

Мама поддерживала меня, как могла, каждый раз утешала — что ж делать, говорила она, такая уж ты невезучая уродилась, надо смириться. Предлагала даже бросить это дело и жить вместе на ее пенсию. Она не работала никогда. Пока был жив отец, он нас содержал, после его смерти мать оформила себе пенсию по инвалидности. Пенсия, конечно, небольшая, но отец оставил нам какие-то средства, так что на жизнь хватает, как говорит мама. Однако мне совестно было сидеть дома, опять-таки диплом может пропасть.

Промыкавшись так примерно год, я устроилась в эту самую газету «Мойку-Помойку» помощником редактора. Денег, конечно, маловато, зато спокойно, никто никуда не дергает, никто ничего особенного не поручает. Газета маленькая, сотрудников — кот

наплакал, да еще половина всегда в разбеге — сенсаций ищут. Находят, но редко. По всему получается, что газета наша убыточная, но мне-то что, я — человек маленький. Ну разорится газета, буду искать другую работу. Но вообще не хотелось бы...

Итак, сегодня утром я тихонько сидела в углу редакционной комнаты и правила статью. Статья была посвящена работе городских библиотек. Хорошо знакомая мне тема. Написала ее наша звезда Алиса Алешина, и на этот раз она превзошла саму себя. Автором «Муму» у нее оказался Некрасов, а строчки «Однажды в студеную зимнюю пору» она считала фрагментом из Евгения Онегина.

Только я поправила эти досадные недочеты, как открылась дверь редакторского кабинета и прозвучал сиплый, как всегда раздраженный голос Бурнуса:

— Вороновская, зайдите ко мне!

В первый момент я подумала, что ослышалась. Сколько я работаю в «Мойке», Бурнус ни разу не называл меня по имени. Или по фамилии. Я думала, что он понятия не имеет, как меня зовут. И вообще не подозревает о моем существовании.

И это, опять-таки, меня вполне устраивало.

Итак, я подумала, что ослышалась, и продолжила править статью. Но тут Натэлла Васильевна, наша старейшая сотрудница (и вреднейшая, как обычно, добавляет Порфирьич), подала голос:

— Вера, ты что, не слышишь? Тебя Главный зовет!

Она произносит титул Бурнуса именно так — сразу ясно, что с большой буквы. Прямо как сам Бурнус

произносит имя нашего учредителя. То есть произносит он его мысленно, при этом закатывая глаза, чтобы мы поняли, какой это могущественный человек. Отчего-то этот Великий и Ужасный требует, чтобы его имя держали в секрете. Тут Бурнус держится стойко, как партизан на допросе, поскольку имени этого не знает даже Натэлла Васильевна, а скрыть что-нибудь от нашей старейшей сотрудницы дело почти невозможное. Но вот Бурнусу удалось.

Я вскочила, уронив на пол чашку (к счастью, она не разбилась), и вбежала в кабинет Бурнуса.

— Платон Яковлевич, вызывали?

Бурнус оторвал взгляд от экрана компьютера, поправил очки и уставился на меня:

— Да, Вороновская. Поедешь сейчас в Михайловский замок...

— Куда? — переспросила я, подумав, что ослышалась.

— В Михайловский. Он же Инженерный. На Садовой улице... Знаешь, такое здание розовое... там еще статуи и памятник перед ним Петру Первому, написано на нем... — В голосе Бурнуса послышались издевательские нотки.

— Я знаю, что написано на памятнике, — робко прервала я Главного. — Но зачем мне в замок?

— У них там открывается новая инсталляция. Созданная из восковых фигур сцена убийства императора Павла Петровича. Мы позиционируем себя как газету для образованных горожан, а образованные горожане должны быть в курсе таких событий. Так что возьмешь Порфирыча, поедешь туда и сделаешь небольшой репортаж. Полторы-две тысячи знаков, с фотографиями.

— Но почему я?

— А потому что больше некому! — честно ответил Бурнус. — Алешина освещает выставку декоративных кроликов, Милославская, как всегда, возится с детьми, а Акулов в очередном запое. Так что, кроме тебя, действительно больше некому.

— Есть еще Натэлла Васильевна... — едва слышно проговорила я, но Бурнус даже не счел нужным отвечать, только взглянул на меня весьма выразительно. И то верно: нашу Натэллу никуда послать невозможно. Не то чтобы она была так тяжела на подъем, но считает, что не ее это дело — бегать по городу. Она напишет какую-нибудь статью, взяв материалы из интернета, да и ладно.

— Но я никогда не готовила репортажи! — слабо запротестовала я. — Я только редактировала и правила чужие материалы...

— Вот и пора начинать! Лучше поздно, чем никогда! Не будешь же ты всю жизнь сидеть на правке и редакции!

Я хотела сказать, что вообще-то не против. Правка и редакция — самое то, сидишь себе в тихом уголке и ни с кем не общаешься... что еще нужно человеку?

Но Бурнус уже снова прилип к своему компьютеру, так что мне ничего не оставалось, как отправляться на задание.

— Не бойсь, — шепнул мне наш редакционный фотограф Порфирыч, — не боги горшки обжигают. И вообще, будешь за мной как за каменной стеной.

Я приободрилась и села к нему в машину. Порфирыч — дядька немолодой, но специфического ви-

да. Всегда в старой джинсовой куртке со множеством карманов, на голове бандана или кепка козырьком назад. На шее — две камеры, на поясе — еще что-то. Работает не только в нашей газете, но еще в трех местах, иногда выставляет свои снимки в журналах. А раньше, когда был помоложе, ездил снимать в горячих точках. Хороший дядька, никакого подвоха от него не жду.

Словом, ничто не предвещало грядущих неприятностей.

И вот чем все закончилось!

Я сижу на полу в спальне несчастного императора, и на голове у меня вместо волос мерзкие зеленые сосульки! И пахнет отвратительно.

Порфирич с сочувствием оглядел меня, снял со своей головы бандану в черепах и протянул мне:

— Вот, повяжи голову, как-нибудь доберешься до дома...

Тут подала голос сопровождавшая нас хранительница, Леокадия, кажется, Петровна... хотя нет, Львовна. Вот интересно, я сама видела, как она грохнулась в обморок возле трупа. И пока я сражалась с пыльным балдахинном, бабуля самостоятельно пришла в себя и даже костюмчик свой серенький образца одна тысяча девятьсот восьмидесятого года успела почистить. Да, старая гвардия никогда не сдается!

— Можете сюда зайти, здесь туалетная комната императора. — Леокадия тронула меня за рукав и показала неприметную дверь, скрытую за малиновой бархатной портьерой.

Я скоренько юркнула туда и перевела дыхание, не успев испугаться очередного замкнутого простран-

ства. Но очевидно, что только что пережитый приступ купировал следующий, у организма просто не было сил снова впасть в панику. В общем, не было звона в ушах и пелены перед глазами, сердце не забилось в бешеном ритме, дыхание не перехватило — словом, все обошлось.

В этой комнате я хотя бы была одна... Никто не пялился и не показывал пальцем.

Думаю, вы уже догадались, что кроме клаустрофобии я не могу терпеть, когда на меня обращают внимание. Не могу выступать на сцене, не могу делать сообщение или доклады перед целым залом, набитым людьми, вообще не могу говорить, когда меня слушают больше двух человек. Ну или трех. Мама меня понимает. Хотя раньше она так не считала. Но об этом потом.

Я оглядела комнату. Это было небольшое помещение, где имелся фарфоровый умывальник, овальное зеркало в золоченой раме и кресло с резными подлокотниками и бархатной обивкой, назначение которого я определила, увидев круглое отверстие в сиденье.

Я подошла к этому зеркалу и еще раз внимательно оглядела себя...

Если я надеялась, что в этом зеркале отражение будет не таким ужасным — моим надеждам не суждено было сбыться.

Как говорил незабвенный мультяшный ослик Иа-Иа — душераздирающее зрелище.

Кстати, этот ослик — мой любимый киногерой. К нему я чувствую искреннюю симпатию. Видимо, я нахожу в нем близкую, родственную душу.

Так вот, из зеркала на меня смотрело существо, которому больше всего подошло бы название «кикимора болотная».

Я кое-как подобрала осклизлые зеленоватые пряди и обернула их банданой. Спасибо Порфирьичу — если как следует закрепить бандану, этого зеленого ужаса не видно.

Правда, я стала похожа на начинающую рокершу, но это, в конце концов, не страшно.

Я еще немного поработала над банданой, закрепила ее, вытерла мокрое лицо салфеткой и хотела уже вернуться к остальным, как вдруг у меня возникло странное и неприятное ощущение — как будто кто-то смотрит мне в спину.

Я зябко поежилась и обернулась — кроме меня, в туалетной комнате никого не было.

Снова повернулась к зеркалу...

И опять почувствовала спиной чей-то пристальный взгляд.

Да что же это такое!

Мама говорит, что я очень мнительная, что я все время что-то выдумываю... может быть, и сейчас я себя просто накручиваю?

На этот раз я не стала оборачиваться. Наоборот, я приблизилась к зеркалу и пристально взгляделась в него.

В комнате было полутемно, и мне показалось, что в этой полутьме у меня за спиной бесшумно прошел человек в старинном камзоле и пудреном парике, с горящей свечой в руке...

Я моргнула — и человек исчез.

Я повернулась и взгляделась в ту часть комнаты, где я только что его видела.

Конечно, там никого не было.

Показалось.

И тут я увидела на стене надпись.

Надпись была сделана чем-то красным — неужели кровью?

Состояла она из двух слов:

Долгота дней.

Я вспомнила Порфирыча и приняухалась к красным буквам.

Они пахли не кровью (хотя я понятия не имею, как пахнет кровь).

Но эти буквы определенно пахли какой-то химией — то ли ацетоном, то ли каким-то другим растворителем. Значит, краска, а не кровь. Но если вы думаете, что мне от этого стало легче, то глубоко ошибаетесь. Глядя на эти буквы, я почувствовала, что на меня накатывает странное чувство. Не паника, нет, и не страх.

Это было... это было что-то необычное, как будто я стою перед очень высокой и непрозрачной стеной и знаю твердо, что там, за ней, совершенно другой мир. И даже не мир, а все другое, такое, что и представить нельзя. И я никогда этого не увижу, да, может, и не надо. И вдруг в этой стене приоткрылось маленькое окошечко. Оно настолько мало, что и разглядеть-то ничего нельзя в этом потустороннем мире, но я втягиваю носом воздух оттуда и понимаю, что это что-то необычное, что человек может там оказаться, но вот возвращаются оттуда единицы...

Я попятилась и уперлась рукой о фарфоровую раковину. И под руку попало что-то маленькое и круглое. Я повернулась, с трудом отведя глаза от надписи, и увидела, что в руке у меня кольцо. Точнее перстень. Довольно большой, на мужскую крупную руку. Перстень был с виду простой, светлого металла, похоже на серебро. А вместо камня плоский

овал, на котором выгравирован крест. И не простой, а мальтийский, уж крестов этих я в Михайловском замке навидалась, могу отличить.

Я зажала кольцо в кулаке и выглянула из туалетной, окликнув Порфирьича:

— Посмотри, что здесь!

Порфирьич уловил волнение в моем голосе и с проворством, неожиданным при его возрасте, влетел в туалетную.

— Ну, что здесь у тебя?

— Вот, посмотри... — Я шагнула к тому месту стены, где увидела странную надпись.

Но там ничего не было.

Стена была чистой.

Я отступила в сторону, посмотрела правее, левее — никакой надписи не было.

— Порфирьич, но я только что видела здесь, на стене, надпись... честное слово, я не выдумываю...

— Какую надпись? — с живейшим интересом спросила Леокадия Львовна, которая, оказывается, тоже просочилась в туалетную и теперь в волнении смотрела на меня.

— Здесь, на стене, была надпись... чем-то красным...

— Кровью? — Глаза Леокадии вспыхнули.

— Да нет, по-моему, какой-то краской...

— Краской пахнет, — подтвердил Порфирьич, принявшись к стене. — Но где же надпись?

— Исчезла... — протянула я виновато.

— А что было написано?

— Что-то странное... широта дней... нет, не широта — долгота. Точно — долгота.

— Долгота дней?! — повторила за мной Леокадия Львовна. — Вы уверены?

— Да, точно — долгота дней... именно так... а что? Эта фраза вам что-нибудь говорит?

Но она вместо ответа спросила с жадным любопытством:

— А больше вы ничего не видели?

— Видела... — ляпнула я не подумав и тут же расстроилась — сейчас меня поднимут на смех. Говорит же мама — мне лучше лишний раз промолчать...

Но слово — не воробей. Леокадия Львовна приступила ко мне с тем же жадным любопытством:

— А что? Что вы видели? Или кого?

— Человека... мужчину со свечой...

— Это он, он! — выпалила Леокадия и схватила меня за руки. — Это император! Он часто появляется в этой части замка, правда, обычно по ночам. Или поздно вечером, когда стемнеет. Многие наши сотрудники его видели!

— Леокадия Львовна! — строго произнес появившийся в дверях замдиректора.

— Что — Леокадия Львовна? — огрызнулась хранительница. — Я уже... не будем уточнять, сколько лет Леокадия Львовна!

— Не нужно распускать эти недостоверные слухи! Девушка подумает, что у нас в музее рассадник мракобесия!

— Это не слухи! И никакое не мракобесие! У нас почти все его видели! И даже знают, что делать, когда встретишь призрак императора! Нужно подпрыгнуть на левой ноге и сказать: «Доброй ночи, ваше императорское величество!» И тогда он уйдет!

— Ну и ну! — замдиректора даже растерялся от такого напора.

А я представила Леокадию Львовну, прыгающую на левой ножке, и приснула.

Порфирьич взглянул на меня заботливо и проговорил с видимым облегчением:

— Ну, слава богу, ты вроде отошла... поедем уж отсюда, я немного поснимал...

— Стойте! — опомнился замдиректора. — Куда же вы? Сейчас полиция приедет, я вызвал! Ведь все же у нас труп...

— Это у вас — труп, — тут же открестился Порфирьич, — а мы к вашему трупу не имеем отношения! Когда мы приехали, он уже был мертвый, причем давно, с ночи.

— Откуда вы знаете? — рассердился замдиректора.

— Ох, милый... — по-свойски ответил Порфирьич, — да я при моей работе за всю жизнь столько трупов перевидал — тебе и не представить... Так что мы уж лучше поедем, потому как полицию ждать — долгое дело. Они на труп никогда не торопятся, считают, что покойнику уже все равно, торопиться некуда...

Замдиректора все-таки взял у него визитку с номерами нашей газеты и остался ждать полицию в полном одиночестве, потому что Леокадия Львовна тоже под шумок испарилась.

Когда мы вышли из замка и прошли по мостику над зеленой зацветающей водой крепостного рва, я наконец обрела дар речи:

— Бурнус меня убьет. Первый раз поручил самой сделать репортаж — и я все провалила. Но кто мог думать, что случится такое!

— Да что ты! Наоборот, все гораздо интереснее! Подумаешь — открытие новой музейной инсталляции! Кому это интересно, кроме двух-трех старушек! А вот убийство в музее — это уже другое дело... это сенсация, и ты первая на месте происшествия!

— Ты думаешь?

— Я уверен! А если ты как следует это подашь, да проведешь настоящее журналистское расследование... ты прославишься, точно тебе говорю! Сделаешь себе имя!

Честно говоря, я никогда не мечтала о славе. Ближе всего мне слова Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля...» Вот о чем я всегда мечтала — о покое и воле.

— Ну что, мы сейчас в редакцию? Надо же отчитаться...

— Да ты что? — Порфирыч взглянул на меня удивленно. — Ты не забыла, в каком ты виде? Я отвезу тебя домой, и ты приведешь свою голову в порядок! А я пока снимки отпечатаю...

— Не смотри! — Я стянула бандану и погляделась в зеркальце. Вид был до того ужасен, что и не подобрать слов. От банданы волосы еще больше слиплись и начали подсыхать. Кожу на голове стянуло.

Я представила, как появлюсь дома в таком вот виде, как проведу вечер в ванной, а мама будет суетиться вокруг и пытаться отмыть клей. Горячая вода его точно не возьмет, если только растворителем... но тогда волосы вообще могут вылезти, и я стану лысая... И мама будет меня утешать — ничего, мол, такая уж у тебя судьба, нужно смириться...

Нет, это выше моих сил! Есть только один выход — нужно срочно обратиться к профессионалам. И, как ни странно, один знакомый профессионал в этой области у меня был.

— Тогда не домой... тогда к Жанке...

— К кому? — переспросил Порфирьич.

— Не важно... просто отвези меня... — и я назвала ему адрес Жанкиного салона.

Пока ехали, я молчала, потому что пыталась позвонить Жанке. Ее телефон не отвечал, и это хорошо, стало быть, Жанка работает — стрижет клиентку или красит. Если не работает, она всегда ответит на звонок, даже ночью.

Жанка — моя близкая подруга. Близкая и единственная, других у меня нету. Причем близкая — это не значит, что мы проводим вместе много времени, ходим в сауну, на фитнес, болтаем в кафе и ездим в отпуск на море. На море мы вообще ездили только в детстве с мамой, а потом у меня обнаружилась аллергия на солнце, так что я провожу отпуск на даче. Или вообще его не беру.

В сауну я не хожу, потому что в тесной жаркой кабинке у меня начинается паника и сердце норовит выскочить из груди. Все остальное... тоже найдется какая-нибудь причина. Кроме того, Жанка много работает, ей некогда по кафе расслаживаться.

Знакомы мы с Жанкой с двенадцати лет, познакомились в детском лагере, куда в свое время меня отправила мама, чтобы я, по ее выражению, изжила свои комплексы в коллективе сверстников.

Что из этого вышло... Я сжала кулаки так сильно, что ногти больно врезались в ладонь. Нет, сейчас не

время для воспоминаний. Особенно таких. И без того тошно.

— Приехали! — сквозь гул в ушах пробился голос Порфирыча. — Вон он, твой салон.

На мое счастье, Жанка была в салоне одна.

У них заведение и так небольшое — то ли два, то ли три мастера, не считая хозяйки, да и те приходят не каждый день, а только когда клиентка записана.

Поэтому Жанка, открыв мне дверь, проговорила:

— Ну, Ворона, повезло тебе, что ты меня застала! Я уже уходить хотела на перерыв! Домой надо сбегать, Кешка что-то приболел.

Кешка — это Жанкин младший брат, которого мать ее родила, когда Жанке было двадцать, так что Жанка испытывает к нему почти материнские чувства.

— А что это у тебя на голове? — удивилась Жанка. — Ты что — с рокерами связалась?

— Жанка, выручай! — и я сняла бандану.

— Ох, ни фиги себе! — Жанна всплеснула руками. — Как это тебя угораздило?

— Не спрашивай! Просто скажи — можно с этим что-нибудь сделать, или прямо идти на Неву топиться?

— Учитывая твоё место работы, не на Неву, а на Мойку. Но вообще — не волнуйся, я из тебя сделаю человека!

— Мне уже страшно...

— Не дрейфь, прорвемся! — Жанка, как обычно, была полна кипучего энтузиазма.

Она усадила меня в кресло, осмотрела со всех сторон.

— Да, ты теперь не просто Ворона, а Ворона после купания...

— Может, не надо этого?

— Ладно, приступаем...

Для начала она вымыла мне голову — но зеленая гадость осталась, только пошла пятнами.

— Что же это такое? — удивленно протянула Жанна, снова осматривая мою голову.

— Сказали — какой-то суперклей... — уныло проворботала я.

— Придется кое-что состричь... вот здесь убрать, и здесь... вообще тебе давно пора изменить имидж!

Это верно, Жанка давно предлагала сделать мне стрижку, химическую завивку, выкрасить волосы перьями или хотя бы тонировать. Но мама утверждала, что при моей внешности чем незаметней я буду выглядеть — тем лучше. Стало быть, нужно закрутить волосы в кичку, чтобы в глаза не бросаться.

— А иначе никак нельзя? — заныла я.

— Нельзя! Ты же не хочешь на всю жизнь остаться болотной кикиморой? Или вонять растворителем, хотя я не знаю, какой растворитель это возьмет!

— Не хочу!

— Тогда раз — сиди, и два — молчи! Хотя разговаривать можно, только не критиковать мою работу!

Она состригла несколько прядей, еще раз пригляделась, и снова взялась за ножницы.

— Эй, подруга, ты меня совсем без волос оставишь! Меня мама домой не пустит!

— Я же тебе сказала — молчать!

Она обстригла меня очень коротко, а потом густо намазала голову краской.

— Эй, насчет краски мы не договаривались...

— Молчать! Я лучше знаю, что нужно делать с твоими волосами! Иначе пришлось бы стричь тебя вообще налысо! Ты хочешь явиться к маме лысой?

— Ой, нет... — всерьез испугалась я.

Она намазала меня краской и отступила:

— Ну вот, теперь сиди полчаса, пока краска не возьмется! Разговаривать можно!

Я обиженно замолчала, не спросив даже, в какой цвет Жанка решила меня покрасить. Все равно теперь...

Жанка достала пачку сигарет, закурила, предложила мне.

— Нет, ты с ума сошла! Мама меня убьет, если почувствует запах табака!

Честно говоря, курить я пробовала пару раз, и мне совершенно не понравилось, так что тут я отговорила мамой просто по привычке, чтобы не вдаваться в подробности.

— Ну, не хочешь — как хочешь! А теперь рассказывай, что с тобой случилось!

Я только открыла рот, как в дверь салона позвонили.

Жанна взглянула на часы и озабоченно проговорила:

— Наверное, клиентка раньше пришла. Она должна была прийти к трем, а сейчас еще только четверть третьего... ладно, не волнуйся, я с тобой все закончу, а она пока кофе выпьет...

Она прошла к двери, щелкнула замком...

И отлетела назад.

В салон ввалились два жутких типа — небритые, покрытые татуировками. Один из них, пониже ро-

стом, был с бритой головой, у второго сальные волосы собраны в конский хвост.

При виде их я сжалась в комочек и едва не сползла под кресло. Жанна же не показывала признаков страха.

Незванные гости огляделись, и один из них, бритоголовый, проговорил сиплым голосом:

— А где Василиса?

— Василиса? — переспросила Жанна. — Нету ее... она только завтра будет...

— Завтра? Ну и черт с ней! Мы с тобой разберемся! Выкладывай нам всю кассу, а Василисе привет передашь от Костяна! Так и скажешь — Костян заходил, привет передавал! — Парень издевательски хохотнул. — Раз не хочет по-хорошему платить — придется по-плохому! Ну, что стоишь? Я сказал — выкладывай кассу!

— Ребята, — проговорила Жанна примирительным тоном, — какая касса? У меня сегодня клиентов не было...

— Кончай заливать! — оборвал ее бритоголовый. — Сказал — открывай кассу...

— Ну ладно, как скажешь... — Жанна, у которой в руке все еще тлела сигарета, переложила ее в левую руку, а правой выдвинула ящик рабочего столика. Оттуда она почему-то достала небольшой серебристый баллончик — лак, что ли?

Она нажала на кнопку, из баллончика вырвалось облачко, и тут Жанка поднесла к нему тлеющую сигарету.

Облачко вспыхнуло, теперь из баллончика вырывался ослепительный сноп пламени.

Жанка шагнула к бандюганам и направила пламя на них. Зрелище было потрясающее. Глаза Жан-

ны горели, волосы развевались, перед ней полыхало пламя. Прямо огнедышащий дракон из сказки.

— Ты чего?! — вскрикнул бритоголовый, пятясь. — Ты совсем одурела, что ли?

— Пошли вон! — выпалила Жанка, надвигаясь на гостей.

Длинноволосый выступил вперед — но Жанна направила пламя на него. Конский хвост вспыхнул, бандит заверещал как резаный и вылетел из салона, второй последовал за ним.

Жанна невозмутимо захлопнула за ними дверь, заперла на замок и перевела дыхание:

— Ну Василиса, ну зараза... наверняка знала, что они придут, и подставила меня!.. Подмениться предложила, ей, дескать, на косметическую процедуру надо... Ну устрою я ей завтра процедуру!

Она повернулась ко мне и удивленно проговорила:

— Ой, у тебя брови опалились! Как же так — ты вроде в стороне сидела... ну да ладно, с твоими бровями так и так нужно было что-то делать, это же ужас...

Говорила я или нет, что внешность у меня самая незаметная — волосы не то светлые, не то пепельные, а может, просто сивые, брови и ресницы белесые. И если ресницы я все же подкрашиваю, то с бровями ничего не делаю, мама говорит, что мне лучше, когда все естественно. Сейчас в зеркале я увидела, что брови и правда опалены.

Вот как, скажите на милость, такое могло выйти? Жанке, которая находилась в эпицентре пожара, хоть бы что, а у меня вот брови сгорели... Ну, такое, видно, мое счастье. Со мной всегда так. Но сейчас меня волновало другое.

— Эти уроды ведь, наверное, снова придут?

— Не-а! Им друг перед другом неудобно будет, что от девчонки убежали, и больше они не сунутся! Ой, уже полчаса прошло, пора твою краску смывать!

Как ни в чем не бывало она снова занялась моей головой, и через двадцать минут из зеркала на меня смотрел совсем другой человек. Незнакомый человек.

Волосы Жанка выкрасила цветом, который назывался «золотистый каштан». Не то чтобы совсем рыжие, но золотистый оттенок там несомненно присутствовал.

Под цвет волосам Жанка выкрасила брови коричневой краской, отчего глаза стали казаться больше, выразительнее и даже таинственно блестящими. Но возможно, так мне показалось в зеркале. Стрижка была очень короткой (иначе никак нельзя, извинялась Жанка), и от этого на лице резче выступили скулы.

— Ну как?

— Просто не знаю, что тебе сказать, — честно ответила я, — непривычно как-то.

— Привыкнешь! — отмахнулась Жанка. — А как отрастут волосы, я тебе фирменную стрижечку сделаю.

От денег она, разумеется, отказалась, так что я дала себе слово буквально завтра купить Кешке дорогую игрушку. Как я уже говорила, Жанка обожает своего братишку и балует его почем зря.

Тут в дверь позвонила очередная клиентка, и я с тяжелым вздохом отправилась домой. Что-то скажет мама?..

Вернувшись домой, я надеялась незаметно проскользнуть в свою комнату, чтобы мама не заметила мою новую прическу.

И это мне даже удалось.

В квартире было тихо, мать сидела в своей комнате, оттуда доносилось негромкое бормотание включенного телевизора. Ага, значит, она разговаривает по телефону, она всегда телевизор включает, чтобы не слышно было.

Мелькнула мысль, зачем она это делает, в квартире живем только мы вдвоем, домработница Валентина приходит три раза в неделю на полдня, так что большей частью в квартире никого нету. А если я есть, то зачем скрывать что-то от родной дочери?

Странно, я никогда раньше не задавалась этим вопросом. Но сейчас я так устала, что было неохота искать ответы.

Я пробралась к себе, тихонько прикрыла за собой дверь и перевела дыхание.

Кажется, на этот раз обошлось...

Я чувствовала себя как мышка, пробравшаяся в свою норку мимо караулящего ее кота. Мама придет в ужас от моей прически, я стану оправдываться, придется ей рассказать о случившемся в Михайловском замке... нет, у меня просто нет сил. Сегодня был такой длинный день: сначала та жуткая история в замке, потом — нападение двух мелких бандитов в салоне у Жанки.

Кстати, вот интересно: конечно, я испугалась этих двоих, но не впала в свое обычное паническое состояние. Сердце не билось у горла, уши не заложило, дыхание не перехватило... ну да, такое со мной бы-

вает только в замкнутом пространстве. В крошечной кладовой, в чулане, когда накрывают пыльным балдахином...

Ладно, не нужно об этом думать, а лучше лечь спать, отложив разбирательство с мамой до утра.

Но тут я почувствовала, как у меня подвело живот.

Ну да, у меня ведь с самого завтрака крошки во рту не было... да и завтрак-то был чисто символический... По утрам я могу только выпить чаю с тостом, самое большее — бутерброд, поэтому мама не встает, чтобы проводить меня на работу, раз не надо завтрак готовить. Но сейчас есть хотелось ужасно.

И я решилась совершить вылазку на кухню.

Чтобы проскользнуть туда бесшумно, я даже сняла тапочки и пошла босиком. Прокралась мимо материнской комнаты, вошла на кухню, не зажигая света, открыла холодильник, умудрившись сделать это удивительно тихо, достала оттуда сыр, ветчину. Соорудила себе большой калорийный бутерброд, и уже предвкушала, как укроюсь в своей комнате и в тишине справлюсь с этим бутербродом...

Я уже представляла, как вонзаю в него зубы... мой рот наполнился слюной...

Как тут в дверях кухни раздался мамин голос:

— Ты пришла, доча? Ты здесь чай пьешь? А что же ты меня не позвала? Посидели бы вместе, поговорили, ты рассказала бы мне, как прошел твой день... А что ты сидишь в темноте?

Она щелкнула выключателем — и кухню залил яркий свет.

Мама стояла в дверях, моргая, привыкая к этому свету...

И вот она привыкла к нему — и разглядела меня. В первый момент в глазах у нее я увидела удивление, как будто она меня не узнала. И даже рот раскрыла, чтобы спросить, кто это торчит у нее на кухне. Потом до нее дошло, что это все же ее собственная родная дочь. И тут в глазах у нее появился самый настоящий страх.

А потом... потом мелькнула злость. Ну да, я знаю свою мать с детства (моего, разумеется) и прекрасно изучила все ее взгляды и движения. И характер тоже.

Скажу сразу, характер у мамы, скажем так, непростой. Но ко мне она всегда относилась хорошо. Так что насчет ненависти мне, конечно, показалось. Тем более что теперь мама выглядела просто очень расстроенной. И проговорила с совершенно другой, неласковой, раздраженной интонацией:

— Боже мой, Вера, что ты с собой сделала?!

Тут я проявила малодушие и попыталась свалить на кого-то свою очевидную вину:

— Мам, это меня Жанна постригла... и покрасила...

— Но зачем? С чего вдруг тебе вздумалось сделать из себя этакое... этакую...

Она остановилась на полуслове, но я ведь за то время, что мы прожили вместе, довольно хорошо ее изучила, и сейчас прекрасно поняла, что она имела в виду. «Этакое чучело!» «Этакую уродину»!

Настал мой черед удивляться. Я хоть и ожидала от нее реакции, но не такой же! Впрочем, возможно, я ошибаюсь, она же не сказала этого вслух. И я решила спустить все на тормозах.

— Мам, ну что ты, ей-богу! Ну волосы же не зубы, отрастут быстро. Жанка сказала...

— Ну понятно! Кто бы сомневался? Все плохое в твоей жизни исходит от этой особы! Сколько раз я говорила тебе — она тебе совершенно не подходит! Она совершенно не твоего круга... не нашего круга! Она вульгарная, начисто лишенная вкуса, чувства стиля... сколько раз я говорила тебе, что от нее нужно держаться подальше...

А сколько раз я слышала уже все это от нее! Но не слушала ее и не собираюсь рвать с Жанкой.

— Но, мама, она — моя единственная подруга! Других у меня просто нет!

— Лучше никаких подруг, чем такая! — сурово отчеканила мама. — Скажи мне, кто твой друг, — и я скажу, кто ты! Сколько я помню, эта Жанна — она вечно втягивает тебя в какие-то неприятности!

Мама строевым шагом приблизилась ко мне, уставилась на меня в упор, при этом машинально, не глядя, взяла с тарелки приготовленный мной бутерброд и так же машинально, не замечая, откусила от него добрую половину.

Я с грустью проследила за бутербродом.

На какое-то время бутерброд заставил ее замолчать, и я попыталась выскользнуть с кухни. Черт с ним, с бутербродом, лучше лягу спать на голодный желудок...

Но мама ловким финтом перегородила мне дорогу, проглотила кусок и снова заговорила:

— Она всегда приносила тебе одни неприятности... но сегодня превзошла саму себя! Что она с тобой сделала? Это ужасно! Это возмутительно!

Мама перевела дыхание и продолжила:

— Тебе, с твоей внешностью, нужно стараться быть незаметной, чтобы твои недостатки не броса-